

102
954

НА ОТВ.

не копировать

оп 1-76
18789

801-

804

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ

СТОЛЫПИНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Очеркъ П. И. КРЕЧЕТОВА.

РИГД, 1910 г.

Типографія Л. Бланкенштейна, Тацкая ул. № 13, собств. домъ.

ПА ОТЗ.

П. А. Столыпинъ.

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ—сынъ севастопольскаго героя, ген.-ад. А. Д. Столыпина,* отъ брака съ княжною Горчаковою,—родился въ 1862 году, образование получалъ въ Спб. университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1884 году. Началъ службу 20 октября 1884 г. въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ послѣдовательно занималъ различныя должности. Затѣмъ 18 марта 1889 г. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ ковенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1899 г. назначенъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Служба предводителемъ дворянства близко ознакомила П. А. съ мѣстными нуждами, заволакала ему симпатіи мѣстнаго населенія и дала административный опытъ. Онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ

* А. Д. произведенъ въ офицеры въ 1841 г. въ конную артиллерию. Военную дѣятельность началъ въ Венгерской кампаніи, гдѣ состоялъ за офицера генеральн. штаба въ партизанскомъ отрядѣ полк. Хрулева. Участвовалъ затѣмъ во всѣхъ кампаніяхъ трехъ царствованій. За боевыя отличія, подлѣ Севастополя, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; за таковыя же въ послѣднюю турецкую войну получилъ званіе генер.-адъютанта. Былъ уральскимъ атаманомъ, съ ученою цѣлью командированъ былъ въ Вильну при Муравьевѣ, былъ генералъ-губернаторомъ Румелии и Адрианопольскаго санджака; командированъ 9-го и Гренадерск. корпусовъ; членомъ Александровскаго комитета оренскихъ; состоялъ завѣдующимъ дворцовою частью въ Москвѣ.

Въ литературѣ извѣстенъ своею „Исторіею Россіи народнаго и солдатскаго чтенія“ и сотрудничествомъ во многихъ журналахъ и газетахъ, гдѣ статьи его появлялись подлѣ монограммой „Ст. 5“. Извѣстенъ былъ также въ области искусства: музыкальными сочиненіями и скульптурными произведеніями, которыя выставлялись на академическихъ выставкахъ. А. Д. всѣми силами старался (защитить) насколько возможно, интересъ русскаго направленія въ музыкѣ, и не разъ ему приходилось доказывать пріѣзжавшимъ въ Россію иностраннымъ дилерамъ ихъ неправильный взглядъ на русское искусство.

2007083436

судей по инсарскому и ковненскому судебному-мировым округам.)

Въ Ковнѣ П. А. Столыпинъ пришлось близко познакомиться съ театральнымъ дѣломъ. Осенью 1899 г. закончился постройкой въ Ковнѣ народный домъ съ дешевой столовой, номерами для прѣзжающихъ, читальней и театральнымъ заломъ. Последний попечительство о народной трезвости сдало въ аренду нынѣ покойному антрепреню В. Г. Давыдову, который и открылъ сезонъ 6 декабря.

Антреприза Давыдова существовала не долго. Помимо народного дома въ Ковнѣ дѣйствовалъ городской театръ, гораздо болѣе благоустроенный, со сценой лучше оборудованной и труппой преносходящей попечительскую силами и численностью. Новый театръ, создавъ конкуренцію старому, самъ дѣлалъ сборы неважные, а антрепренера же денегъ едва хватило для начала дѣла, а жалованье стало задерживаться съ перваго же полумѣсяца. Актеры почуяли крахъ и начали разбѣгаться. Нѣкоторые уѣхали изъ Ковны, иные перекочевали въ городской театръ, оставшіеся рѣшили хлопотать о какой-либо гарантіи ихъ заработка и обратились къ П. А. Столыпину, какъ къ предсѣдательству попечительства. П. А. Столыпинъ вошелъ въ положеніе бѣдныхъ тружениковъ и хотѣлъ было выдать Давыдову субсидію для расплаты съ актерами, но послѣдніе категорически заявили, что своему антрепреню они не вѣрятъ и служить у него больше не намѣрены, если же попечительство желаетъ, чтобы сезонъ въ его театрѣ былъ оконченъ, то пусть оно само и держитъ антрепризу.

Такимъ образомъ П. А. Столыпинъ сталъ во главѣ театра. Онъ имѣлъ директорскую ложу и посѣщалъ безъ исключенія всѣ спектакли, нерѣдко заглядывая и на репетиціи. Въ режиссерскую, репертуарную часть онъ не вмѣшивался, наблюдая только за хозяйствомъ. Съ актерами былъ безусловно вѣжливъ.*)

Въ 1902 г. П. А. Столыпину было поручено исправленіе должности Гродненскаго губернатора; черезъ годъ онъ былъ назначенъ Саратовскимъ губернаторомъ.

*) „Театръ и Искусство“

Въ октябрѣ 1905 г. настойчиво стали циркулировать слухи о назначеніи П. А. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя газеты, — напримеръ „Русь“, — высказывались противъ этого назначенія.

Когда кабинетъ министровъ, во главѣ съ гр. С. Ю. Витте, вышелъ въ отставку и новый кабинетъ было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, П. А. Столыпинъ 26 Апрѣля 1906 года занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ европейскихъ государствахъ при самомъ назначеніи министра подвергается свободной оцѣнкѣ даже его, если можно такъ выразиться, — потенциальная дѣятельность, т. е. рассматриваются различныя достоинства или недостатки, на сколько они проявились въ его прежней общественной дѣятельности и даже въ частныхъ отношеніяхъ и частной жизни, и отсюда дѣлаются выводы, насколько онъ способенъ вести вѣренное ему вновь дѣло и чего отъ него можно ожидать. Несомнѣнно, что такая широкая свобода для оцѣнки государственныхъ дѣятелей имѣетъ великое вліяніе на правильное направленіе дѣятельности во всѣхъ сферахъ управленія, предупреждаетъ разныя прихотливыя и своенравныя отклоненія отъ прямого пути, во-время обнаруживаетъ всякую фальшь, поддѣлку и т. п.

Назначеніе П. А. Столыпина министромъ внутреннихъ дѣлъ вызвало оживленные толки въ русской прессѣ. И не удивительно. Въ составѣ высшихъ государственныхъ учреждений министерству внутрен. дѣлъ безспорно принадлежитъ первенствующее мѣсто по обширности и важности круга его вѣдѣній. Въ немъ сосредоточивается управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій, печатью, почтою и телеграфами, статистикою, государственною полиціею, дѣломъ тюремнымъ, судебною и административною ссылкой, губернской и уѣздною администраціей, сословными интересами, мѣстными общественными хозяйствами, обезпеченіемъ народного продовольствія, частями: строительною, пожарною, страховою, медицинскою, ветеринарною, общественнымъ призрѣніемъ и благотворительностью, ближайшимъ къ народу судомъ, общественными союзами и собраніями, обрабатываемыми для различныхъ цѣлей, многими важными сторонами экономической жизни страны (напр., переселенческимъ дѣломъ) и

даже народными увеселениями. Ни въ одномъ вѣдомствѣ нѣтъ такого разнообразія предметовъ, подлежащихъ правительственному надзору и руководству и такого сосредоточенія власти и средствъ вліянія на ходъ развития начала общественности, не говоря уже о средствахъ къ обезпеченію общественного спокойствія и порядка. Вотъ почему выборъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ всегда живо интересуется общество, и при малѣйшемъ слухѣ о перемѣнѣ лица, занимающаго этотъ государственный постъ во всѣхъ концахъ и углахъ Россіи предаются гаданіямъ, называютъ вѣроятныхъ кандидатовъ, высказываютъ пожеланія. Къ направленію внутренней политики болѣе чувствительны, чѣмъ къ направленію политики виѣшней. Это такъ естественно, такъ понятно. И нельзя допустить, чтобы лицо, монаршимъ довѣріемъ призываемое къ занятію столь отвѣтственной и важной государственной должности, не имѣло своего собственнаго міровоззрѣнія, своего опыта, своей программы дѣйствія. Безъ опредѣленной политики программы могутъ работать государственные контролеры, министры путей сообщенія, военный, управляющій морскимъ министерствомъ; но не министры внутреннихъ дѣлъ, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ прямо и непосредственно входитъ внутренняя политика, составляя основу и цѣль ихъ дѣятельности. Министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ замкнуться въ своемъ кабинетѣ и ограничиться наблюденіемъ за ходомъ работъ ему подчиненныхъ канцелярскихъ и иныхъ technicians; онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ обществомъ, съ его движущими силами, призванъ давать направленіе этимъ силамъ въ городскихъ думахъ, земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, въ печати, и устранять такіе ихъ проявленія, которые не соответствуютъ задачамъ государственнаго общегітита и его основамъ, выработаннымъ историческою жизнью народа. При нашемъ государственномъ строѣ общее направленіе какъ виѣшней, такъ и внутренней политикѣ, конечно, дается самодержавною властью; но всегда мудрыя предначертанія самодержавія должны быть и мудро исполняемы, примѣняясь къ современнымъ условіямъ и требованіямъ никогда не стоящаго на одномъ мѣстѣ, но вѣчно находящагося въ движеніи общества. Государственная мудрость министра внутреннихъ дѣлъ состоитъ въ ясномъ, вполнѣ отчетливомъ представленіи и пониманіи, а также въ

вѣрной оцѣнкѣ этого движенія, весьма сложнаго и разнообразнаго по группамъ (сословнымъ, племеннымъ, вѣроисповѣднымъ, промысловымъ и всякимъ инымъ), образующимъ одно цѣлое, именуемое обществомъ. Только тогда руководящая власть, разумеется, при безусловной правдивости докладовъ, можетъ быть надлежащимъ образомъ освѣдомлена о дѣйствительномъ настроеніи умовъ и будетъ въ состояніи, правя умами и сердцами управляемыхъ, неизбежно утверждать свой нравственный авторитетъ.

Понятно, что отъ министра внутреннихъ дѣлъ требуется и всестороннее знаніе дѣйствительности, и большая проицательность ума, и умѣніе примирять сталкивающіеся интересы на почвѣ общегосударственной и народной пользы, при твердости характера и полномъ безпристрастіи въ рѣшеніи вопросовъ. Духъ партійности несовмѣстимъ съ этимъ высокими административнымъ постомъ въ великомъ Русскомъ государствѣ; ибо всякая партійность заключаетъ политическую программу въ свои узкія рамки и, при тѣхъ полномочіяхъ, какія имѣетъ у насъ министръ внутреннихъ дѣлъ, легко можетъ повести къ нежелательнымъ уклоненіямъ отъ единственно разумной и истинно государственной внутренней политики, поставляющей своею цѣлью достиженіе общаго благосостоянія. Въ томъ и состоитъ непререкаемое достоинство самодержавнаго образа правленія, что оно не опирается на партію, а потому партійности министра, какъ ближайшаго совѣтника и исполнителя воли верховной власти, въ дѣлахъ внутреннего управленія, была бы для страны величайшимъ зломъ. Русскій государственный дѣятель — не лидеръ партіи, а самостоятельно мыслящій русскій человѣкъ, душою и сердцемъ преданный своему Государю и отечеству.*)

П. А. Столыпинъ, по своему образованію, всестороннему знанію, уму, а также по честности и безпартійности, оказался подходящимъ лицомъ для занятія поста министра внутреннихъ дѣлъ.

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 8 іюля 1906 г., П. А. Столыпинъ принялъ на себя постъ премьеръ-министра послѣ роспуска первой Государственной Думы и удаленія съ пред-

*) „Русск. Вѣстн.“

сѣдательскаго поста Совѣта Министровъ П. Л. Горемыкина. П. А. выпала тяжелая задача умнотворить смуты Горичій приверженецъ порядка и законности, онъ сталъ съ неуклонной твердостью осуществлять начала новаго государственнаго строя, общаго ВѢСОЧАЙШИМЪ манифестомъ 17 Октября 1905 г. Онъ вдохнулъ въ дѣятельность Совѣта министровъ единодушіе и сдѣлалъ все возможное, чтобы направить государственную машину къ водворенію спокойствія въ Россіи. При немъ были изданы ВѢСОЧАЙШЕЕ повелѣніе объ обезпеченіи нормальнаго отбыва служачихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ, а также ВѢСОЧАЙШЕ утверждены положенія Совѣта министровъ объ установленіи уголовной отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати и объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій. Дѣйствія этихъ положеній были остановлены вѣсѣдствіемъ по неутвержденію ихъ Государственной Думой втораго созыва. При немъ же было прекращено въ апрѣлѣ 1907 года дѣйствіе военнопольныхъ судовъ, учрежденных съ цѣлью борьбы съ революціей. Когда въ составѣ Госуд. Думы втораго созыва была обнаружена сплоченная партія социаль-демократовъ (около 55 лицъ) для учрежденія демократической республики, на П. А. Столыпина выпало осуществленіе ВѢСОЧАЙШАГО указа отъ 3 іюня 1906 г. о роспускѣ Думы и разработкѣ новаго положенія о выборахъ въ Государственную Думу съ цѣлью привлеченія въ ея составъ наиболѣе работоспособнаго элемента, необходимаго для осуществленія новаго государственнаго строя. Затѣмъ при немъ же изданъ ВѢСОЧАЙШИЙ указъ 9 ноября 1906 г. о порядкѣ укрѣпленія за крестьянами, владѣющими надѣльною землею, принадлежащей имъ части земли въ личную собственность. Революціонныя партіи террористовъ предвидѣли въ П. А. Столыпина опаснаго для нихъ сторонника сильной государственной власти и въ первое же время его руководства государственными дѣлами, 12 Августа 1906 года, произвели покушеніе на его жизнь взрывомъ министерской дачи на Аптекаревомъ островѣ. Было убито 27, ранено 32 лица (въ ихъ числѣ тяжело пострадали дочь и раненъ малолѣтній сынъ Столыпина), но П. А. Столыпинъ остался совершенно невредимъ. Его жизнь

была нужна родинѣ, и Провидѣніе сохранило ее.

6 декабря 1906 г. послѣдовалъ ВѢСОЧАЙШИЙ приказъ о пожалованіи П. А. Столыпина въ гофмейстеры Двора Его Императорскаго Величества и въ тотъ же день данъ Именной ВѢСОЧАЙШИЙ указъ о пожалованіи его кавалеромъ Императорскаго ордена св. Анны первой степени. 1 Января 1907 года онъ назначенъ быть членомъ Государственнаго Совѣта.

1-го Января 1908 г. ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ данъ на имя П. А. Столыпина слѣдующій ВѢСОЧАЙШИЙ Рескриптъ:

„Петръ Аркадьевичъ. Разносторонняя дѣятельность Ваша по должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ, особенно отвѣтственной при современныхъ условіяхъ государственной жизни, дала Мнѣ возможность оцѣнить Ваши отличныя дарованія и самоотверженную преданность долгу. Вѣдѣствіе сего въ 1906 году Я призвалъ васъ на высокій постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Въ лицѣ нашемъ Я нашелъ выдающагося исполнителя Моихъ предначертаній, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ первостепенной важности законодательныя труды по землеустройству и другимъ вопросамъ государственнаго управленія, подготовленные Совѣтомъ Министровъ, (подъ руководствомъ нашимъ, а равно возрастающаго довѣрія населенія къ Правительству, особенно наглядно проявившееся при выборахъ въ третью Государственную Думу, и многіе отрядные признаки несомнѣннаго успокоенія страны.

„Желая выразить вамъ сердечную Мою признательность за ваши патріотическія заслуги, Я, Указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, пожаловалъ васъ Моимъ статсъ-секретаремъ.

„Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоненъ“.

6 апрѣля 1908 г. П. А. Столыпинъ давалъ завтракъ въ честь съѣхавшихся въ Петербургъ на совѣщаніе по земской реформѣ представителей земствъ и городовъ. П. А. Столыпинъ прибылъ первымъ въ министерскій домъ на Фонтанкѣ и здѣсь встрѣчалъ всѣхъ прибывающихъ гостей въ Вѣдомъ залѣ. Собралось около 80 человѣкъ.

Поднимая бокалъ за здоровье представителей и чиновъ

министерства, П. А. Столыпин благодарил их за труды по разработке проекта земских реформ.

На этот тогъ отвѣчалъ предсѣдатель московской земской управы, Н. Ф. Рихтеръ. Онъ обратился къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ со слѣдующими словами:

„На меня товарищами моими, представителями земствъ и городовъ, возложено пріятное порученіе привѣтствовать васъ, глубокоуважаемый Петръ Аркадьевичъ, и провозгласить тостъ за ваше драгоценное здоровье. Но прежде чѣмъ исполнить это порученіе, прошу разрѣшенія сказать нѣсколько искреннихъ, неліцензірованныхъ словъ, идущихъ отъ глубины моей души и сердца. Моя задача, не скрою, очень трудна. Эта трудность заключается въ томъ, что я не нахожу словъ, да впрочемъ ихъ не найдется во всемъ обширномъ русскомъ словарѣ, чтобы выразить вамъ всю глубину чувствъ, завоеванныхъ вами въ нашихъ сердцахъ. Призванный волею Государя Вожда земли Русской (въ годины тяжкихъ испытаний, на высокой и отвѣтственной постъ руководителя судьбами нашей истерзанной врагами родины, вы, Петръ Аркадьевичъ, первый проявили твердую рѣшимость, не преклоняться предъ врагомъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Вы проявили ту рѣшимость, которой такъ не доставало руководителямъ нашихъ судебъ—на поляхъ Манчжуріи, въ Портсмутѣ, въ Петербургѣ, наконецъ по всей Россіи. Вы рѣшились дѣйствовать безбоязненно, полагаясь только на Бога, руководствуясь однимъ стремленіемъ исполнить свой долгъ предъ Царемъ и родиной. Вы приступили къ исполненію этой задачи, не щадя своей жизни и здоровья самыхъ близкихъ вамъ лицъ, не берега въши силы. Этою рѣшимостью, твердостью и готовностью жертвовать собою на благо Царя и родины во всякую минуту, вы снижали себѣ наше восторженное преклоненіе. Вы воскресили въ насъ надежду, что далеко еще не все потеряно. Однимъ словомъ—вы явились намъ тѣмъ Мининымъ, который спасаетъ нашу родину въ наше неблагополучное время. Да хранитъ Васъ Богъ и его Святая Матерь на благо Царя и родины. Думаю, г.г., что я вѣрно выразилъ ваши мысли и чувства. Г.г., провозглашаю тостъ за здоровье Предсѣдателя Совѣта Министровъ, глубокоуважаемаго Петра Аркадьевича Столыпина“.

Въ залѣ долго не смолкало поднявшееся востѣдъ за

рѣчь громкое „ура“. Многіе подходили къ Н. Ф. Рихтеру и, обнимая его, благодарили за сказанную рѣчь. П. А. Столыпинъ былъ тронутъ общимъ сочувствіемъ и еще разъ поблагодарилъ присутствующихъ за работу. Завтракъ окончился около 2 часовъ дня.

(По наступленіи лѣтняго вакаціоннаго времени въ Государственной Думѣ, въ 1908 г., П. А. Столыпинъ отправился для отдыха въ морское заграничное путешествіе для чего по Высочайшему повелѣнію ему былъ предоставленъ крейсеръ „Алмазъ“.)

29 марта 1909 г. П. А. Столыпинъ пожалованъ кавалеромъ ордена Вѣлаго Орла.

(Въ началѣ марта 1909 г. П. А. Столыпинъ заболѣлъ гриппознымъ воспаленіемъ легкихъ. Быстро распространившіеся слухи о его болѣзни взволновали самые различные круги общества. Высокопоставленные лица неоднократно прѣзжали и присылали справляться о здоровьи Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Сановники, члены Государственной думы, множество лицъ петербургскаго великосвѣтскаго общества выражали семьѣ заболѣвшаго свое участіе и справлялись о ходѣ болѣзни. 22-го марта П. А. Столыпинъ уѣхалъ въ Ялту.)

Только уступая настоячивымъ требованіямъ врачей и просьбамъ семьи, согласился неугомимый П. А. Столыпинъ воспользоваться мѣсячнымъ отпускомъ, не дожидаясь наступленія лѣтнихъ вакацій Государственной Думы.

Всего около мѣсяца провелъ П. А. Столыпинъ въ Крыму, въ Ливадіи, окруженный заботами супруги и дѣтей.

Живительный воздухъ крымскаго побережья оказалъ на здоровье П. А. Столыпина самое хорошее вліяніе, несмотря на то, что весна значительно запоздала. Только къ 6-мю воскресенью температура воздуха поднялась до плюс 6 градусовъ по Р.

Съ 6-мю недѣли начались прогулки по берегу моря и въ горы. Устраивались экскурсіи въ большой компаніи. П. А. Столыпинъ очень много ходилъ пѣшкомъ, и только отдаленныя прогулки совершались въ экипажахъ.

П. А. Столыпинъ большой любитель верховой ѣзды и, какъ только почувствовалъ, что здоровье его окрепло, сталъ

вздить верхомъ.

Никакихъ лѣкарствъ П. А. Столыпинъ не любитъ. Онъ лѣчился единственно воздухомъ, яркимъ солнцемъ и морозомъ.

Чрезвычайно трогало больного участіе, проявленное къ нему лицами самыхъ разнообразныхъ положеній: со всѣхъ концовъ Россіи получались постоянно многочисленные телеграммы, съ запросами о состояніи здоровья и съ наилучшими пожеланіями.

На немъ сказалась правильность того, что кто любовь съетъ, любовь и жнетъ.

Какъ ни хотѣлось семьѣ П. А. Столыпина, чтобы время отпуска онъ провелъ въ полномъ уединеніи, Дворецъ въ Ливадіи, гдѣ сдыхалъ П. А. Столыпинъ, постоянно былъ полонъ просителей и лицъ, желавшихъ лично выразить свое сочувственное вниманіе.

Никому не было отказываемо въ приемѣ просьбы внимательно выслушивались, на прошеніяхъ ставились подробныя резолюціи.

Возвратился въ Петербургъ П. А. Столыпинъ вполнѣ здоровымъ, отъ перенесенной имъ болѣзни не осталось ни малѣйшаго слѣда, кашель прошелъ совершенно.

Лица, которымъ пришлось увидѣть П. А. Столыпина по возвращеніи, утверждали, что онъ имѣлъ видъ болѣе цвѣтущій, чѣмъ до болѣванія.

Со всегдашней энергіей, сейчасъ же послѣ пріѣзда, П. А. Столыпинъ принялся за дѣла.

Очень цѣня свѣжій воздухъ, онъ пожелалъ прямо съ вокзала поѣхать въ Елагинскій дворецъ.

На заботливыя возраженія, что на Островахъ еще грязно и сыро, и, пока ледъ не прошелъ, легко можно простудиться, П. А. Столыпинъ отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ и не боится простуды.

Какъ сообщалось въ газетахъ, различныя общества и лица самыхъ разнообразныхъ положеній спѣшили выразить П. А. Столыпину телеграммами и письмами чувства искреннѣйшей радости по случаю благополучнаго перенесенія болѣзни и возвращенія къ великому дѣлу государственнаго устренія.

Внезапная болѣзнь П. А. Столыпина и ранній отъѣздъ его на югъ Россіи породили въ публикѣ и печати самыя разнообразныя слухи. Болѣзнь П. А. Столыпина отозвалась самымъ рѣшительнымъ образомъ во всѣхъ дѣлахъ, болѣе того, на всемъ политическомъ положеніи. Газеты сообщали, что „въ думскихъ кругахъ чрезвычайно встревожены болѣзью П. А. Столыпина. Представители центра высказываютъ опасеніе, что болѣзнь П. А. Столыпина можетъ отразиться на теперешнемъ политическомъ курсѣ правительства: правые могутъ использовать временное удаленіе отъ дѣятельности, благодаря болѣзни П. А. Столыпина въ своихъ дѣлахъ“ 10 апрѣля „Рѣчь“ сообщила, что „уходъ П. А. Столыпина, повидимому, долженъ считаться дѣломъ рѣшеннымъ. Вопросъ теперь только во времени“. Но 27 апрѣля на имя статсъ-секретаря П. А. Столыпина послѣдовала слѣдующій ВЫСОЧАЙШІЙ Раскрытъ:

„Петръ Аркадьевичъ“.

„Не признавъ возможнымъ утвердить законопроектъ о штатѣ морского генеральнаго штаба, поручая вамъ, совместно съ министрами военнымъ и морскимъ, въ мѣсячный срокъ, выработать въ предѣлахъ, указанныхъ Государственными Основными Законами, правила о томъ, какія изъ законодательныхъ дѣлъ по военному и морскому вѣдомствамъ подлежатъ непосредственному Моему разрѣшенію въ предначертанномъ статьєю 96 сихъ Законовъ порядкѣ и какія изъ означенныхъ дѣлъ должны восходить къ Мнѣ на утвержденіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ.“

„Таковыя правила, по обсужденіи ихъ въ Совѣтѣ Министровъ, имѣютъ быть Мнѣ представлены и, по одобреніи ихъ Мною, преподаны къ неуклонному исполненію.“

„Вся дѣятельность состоящаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ Совѣта Министровъ, заслуживающая полнаго Моего одобренія и направленная къ укрѣпленію основныхъ началъ незыблемо установленнаго Мною государственнаго строя, служить Мнѣ ручательствомъ успѣшнаго выполненія вами и настоящаго Моего порученія, согласно моимъ предубазаніямъ.“

„Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный“.

Этот Рескрипт положить конец всем тревогам о министерском кризисе.)

По выраженному Государю Императору королем Англии желанию познакомиться съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, П. А. Столыпинъ присутствовалъ при свиданіи Ихъ Величествъ на Ревельскомъ рейдѣ въ іюнѣ 1908 г. Въ слѣдующемъ году, 4 іюня, онъ присутствовалъ при свиданіи Государя Императора съ Германскимъ Императоромъ, въ финляндскихъ шхерахъ.

Въ концѣ іюня 1909 г. П. А. Столыпинъ сопровождалъ Государя Императора въ поѣздѣ въ Полтаву для торжественнаго празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды, а также во время ВЫСОЧАЙШАГО посѣщенія Кіева. На пути изъ Полтавы въ Петербургъ П. А. Столыпинъ ознакомился въ Новомосковскомъ у., Екатеринославской губ. и въ Орловскомъ у., близъ ст. Зміевка, съ результатами землеустроительныхъ работъ, лично ревизовалъ волостныя правленія и бесѣдовалъ съ крестьянами. Въ началѣ іюля 1910 г. П. А. Столыпинъ присутствовалъ въ г. Ригѣ во время торжественнаго открытія Государемъ Императоромъ памятника Петру Великому. Въ августѣ мѣсяцѣ 1910 года онъ предпринялъ продолжительную поѣздку въ Сибирь. О поѣздкахъ П. А. Столыпина по Россіи печать высказывалась различно. По нашему мнѣнію, болѣе правильнымъ является отзывъ „Земщины“. „Земщина“ писала:

„Поѣздка „по Россіи“ П. А. Столыпина знаменательна еще тѣмъ, что, будучи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ не обязываетъ губернаторовъ, разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій, а обязываетъ крестьянскіе хутора, мѣста сибирскаго переселенія. Его интересуютъ не чиновники администраціи, не обстановка намѣченной реформы губернскихъ учреждений, а микроскопическіе хуторяне, а полунищие таежныя русскіе Робинзоны.

Ибо молодой Министръ чувствуетъ, что больше всего и прежде всего Россіи нужно приведеніе въ порядокъ крестьянскаго хозяйства, нужны рѣшительныя мѣры къ подъему главнаго національнаго промысла народа-земледѣльца“.

По настоянію П. А. Столыпина увеличено содержаніе служащихъ въ канцеляріяхъ губернаторовъ и губернскихъ

правленійхъ. Въ 1910 г. П. А. издалъ циркуляръ объ улучшеніи состава служащихъ въ губернскихъ установленіяхъ, подвѣдомственныхъ губернаторамъ. Въ этомъ циркулярѣ, между прочимъ, говорится:

„Отдавая должное тѣмъ скромнымъ труженикамъ, которме, при недостаточныхъ окладахъ, ревностно и честно исполняли до настоящаго времени свой долгъ, я, однако, на основаніи имѣющихся у меня и повѣренныхъ на мѣстахъ свѣдѣній, долженъ признать, что подборъ служащихъ въ губернаторскихъ канцеляріяхъ и губернскихъ правленіяхъ, очевидно, въ силу незначительности штатнаго содержанія ихъ, не всегда можетъ быть признанъ соответствующимъ. Между тѣмъ въ упомянутыхъ губернскихъ установленіяхъ сосредоточены наиболее серьезныя дѣла мѣстнаго управленія. Губернское правленіе, именуемое въ законѣ высшимъ въ губерніи мѣстомъ, управляющимъ ономъ именемъ Его Императорскаго Величества, вѣдаетъ обширную область административныхъ дѣлъ. Оно призвано блюсти за закономѣрностью подвѣдомственныхъ губернской власти городскихъ и уѣздныхъ полицій и свѣдѣть за успѣшностью дѣйствій сихъ чиновъ въ отвѣтственномъ дѣлѣ охраненія на мѣстахъ безопасности общественнаго порядка. Въ губернаторской канцеляріи находятся дѣла, требующія особой свѣтлости, и въ ней же до передачи въ различныя губернскаго присутствія и отдѣленія губернскаго правленія начинаются производствомъ дѣла, имѣющія самое существенное значеніе для населенія. Такимъ образомъ, чины губернаторскихъ канцелярій и губернскихъ правленій призваны докладывать и освѣщать важнѣйшіе вопросы мѣстной жизни, и, свѣдѣовательно, отъ нравственныхъ и служебныхъ качествъ этихъ лицъ въ значительной степени зависитъ успѣшнѣй и закономѣрный ходъ общей работы на мѣстахъ. Поэтому къ выбору указанныхъ должностныхъ лицъ и особенно членовъ губернскаго правленія надлежитъ относиться съ особой осмотрительностью: однако, матеріальная необеспеченность служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ не давала мнѣ достаточнаго права предъавлять какія-либо особыя требованія къ улучшенію ихъ состава. Теперь же, съ введеніемъ въ жизнь новыхъ штатовъ, я категорически настаиваю на этомъ и предлагаю вамъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы

постепенно обновить и улучшить качественный состав чинов подведомственных нам: канцелярии и губернского правления."

П. А. Столыпинъ, по должности министра внутреннихъ дѣлъ, состоитъ шефомъ жандармовъ. Кромѣ того, онъ—Почетный Мировой Судья Гродн. и Ковен. уѣз. и Инсарск. у. Пензен. губ., Почетный Гражданинъ гор. Полоцка и пос. Дубовки, Сарат. губ., Почетный Членъ: Москов. Совѣта дѣтск. приютовъ въ дом. учр. ИМП. МАРИИ, ИМПЕР. Археологич. Инстит., Холмск. прав. Братства, ИМПЕРАТ. Яхт-Клуба, Саратовскаго Отд. Попеч. ГОСУД. ИМП. МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ, Тамб. Губ. архивн. комис., Сибир. гор. пож. общ., Рос. Общ. Кр. Кр. и Чл. Комитета Попечительства о трудовой помощи.

П. А. имѣетъ ордена и знаки отличія: Бѣл. Орла, Анны I, Влад. 3, мед.: въ пам. ИМП. АЛЕКСАНДРА III, Корон. 1896 г., перепл. 1897 г. и въ память юбилея 200 г. Полтав. побѣды въ 1809 г.; знаки отл.: Кр. Кр., за поэм. устр. бывш. гос. крест. и Холмскаго Прав. Св. Богородицкаго Братства. Иностр.: Бух. Искандеръ-Сались, Япон. Пауловни 1 ст., Черног. кн. Данила I-го 1 ст., Шведск. Серафимовъ, Норвежскій Св. Олафа 1 ст., Итальян. Св. Маврикия и Лазаря 1 ст., Великобрит. Виктории 1 ст., Сербск. Бѣлаго Орла 1 ст. и Прусской Короны „за заслуги“.

П. А.—прежде всего человѣкъ идеи, горячихъ убѣждений и неутомимый борецъ за то, что считаетъ истинною и правдою, что полагаетъ полезнымъ ГОСУДАРЮ и Отечеству. Противники его воззрѣній могутъ считать его неудобнымъ для себя, но и они не отрицаютъ его выдающихся заслугъ и не могутъ отказать ему въ уваженіи, какъ цѣльной, благородной личности, всегда готовой на всевозможныя жертвы ради идеи, ради торжества тѣхъ началъ, которыя составляютъ основу его міросозерцанія.

Къ нему можно отнести написанную Вильямомъ Гладстономъ блестящую характеристику Маколей: „Быль онъ завистливъ? Нѣтъ. Быль онъ раболобенъ? Нѣтъ. Быль онъ нахаленъ? Нѣтъ. Быль онъ себялюбивъ? Нѣтъ. Быль онъ тщеславенъ? Нѣтъ. Быль онъ лживъ и невѣренъ?

Нѣтъ;—но правдивъ, твердъ, какъ сталь, и прозраченъ, какъ хрусталь.“

У нѣкоторыхъ государственныхъ людей есть два мѣрила правдивости, одно для частной жизни, другое—для общественной, но П. А. Столыпинъ въ Государственной Думѣ, и П. А. Столыпинъ на Фонтанкѣ и Елагинскомъ островахъ—одинакъ и тотъ же человѣкъ. Вотъ почему даже враги его глубоко уважаютъ и никогда не осмѣливались бросать грязью въ его безупречную жизнь.

Какъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, П. А. Столыпинъ многократно выступалъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ въ качествѣ защитника правительственныхъ проектовъ.

Лучшій ораторъ изъ министровъ за все время существованія Государственной Думы, П. А. всегда производилъ на слушателей неотразимое впечатлѣніе, и если часть его парламентскихъ успѣховъ и слѣдуетъ отнести на счетъ его политическаго и государственнаго обаянія, то все же главную роль играютъ несравненная выразительность и убѣдительность его языка. Въ своихъ ораторскихъ выступленияхъ П. А. обнаруживаетъ огромную начитанность. По находчивости и по всегдашнему присутствію духа можетъ конкурировать съ лучшими современными ораторами, П. А. говоритъ громко, отчетливо. Подчеркиваетъ отдѣльныя слова, а когда нужно и цѣлыя фразы.

Заслуживаютъ вниманія слѣдующія его рѣчи: а) въ Государственной Думѣ: 16 марта 1907 г.—„не запугаете“, 2) 13 марта того же года—о временныхъ законахъ, изданныхъ во время междудумья, 3) 20 марта—въ защиту государственной росписи доходовъ и расходовъ, 4) 10 мая—объ устройствѣ быта крестьянъ и о правѣ собственности, 5) рѣчь въ закрытомъ засѣданіи Государственной Думы 1 июня того же года, 6) 16 ноября того же года—первая и вторая рѣчь предъ Государственной Думою третьяго созыва, 7) 31 марта 1908 г.—о сооруженіи Амурской желѣзной дороги, 8) 5 мая—о Финляндіи, 9) 24 мая—о морской оборонѣ, 10) 5 декабря—объ устройствѣ быта крестьянъ, 11) 11 февраля 1909 г.—объ Азѣфовскомъ дѣлѣ, 12) 22 мая—о вѣроисповѣдныхъ законопроектахъ, 13) 30 мая—о продленіи

срока полномочий членов Государственного Совета отъ 9 западных губерний; въ текущемъ году: 14) въ защиту указа 9 ноября, 15) противъ космополитизма оппозиции, 16) 7 мая—о введении земства въ западныхъ губернияхъ, 17) 21 мая—о Финляндии, и др.; б) въ Государственномъ Советѣ: 1) о морской оборонѣ, 2) въ защиту принципа личной собственности, и др.

Изъ рѣчей произнесенныхъ П. А. Столыпинымъ въ сѣдѣніи Государственной Думы и Государственного Совета, заслуживаетъ его прекрасная рѣчь 4 марта 1908 г., по случаю исполнившагося 50-лѣтія существованія земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главная черта всего, что говорить П. А. Столыпинъ—искренность. Крупный или менѣй вопросъ его занимаетъ—все равно, онъ отдается ему всею душой. Вообще, его краснорѣчіе служитъ полнымъ отраженіемъ его правдиваго характера, его искренняго пыла, безупречной добросовѣстности, честности въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и отсутствія всякихъ личныхъ, эгоистичныхъ цѣлей.

Онъ не только ораторъ и общественный человѣкъ въ широкомъ значеніи этого слова, но онъ—передовой государственный дѣятель, руководитъ національною политикой, постоянно вращается среди сложныхъ интригъ партій и, при всемъ томъ, онъ никогда, ни разу не поступаетъ противъ совѣсти. Весь характеръ, вся личность, все политическое поприще П. А. выражается одной фразой—онъ дѣлалъ и дѣлаетъ то, что ему велитъ совѣсть. Конечно, излишне приводить примѣры того, какъ повиновался строгому голосу своей совѣсти, онъ приносилъ въ жертву личные интересы—они извѣстны всѣмъ. Въ основѣ каждаго его дѣйствія все то же одно, главное характеристическое его свойство—добросовѣстность. Каждый шагъ его общественной жизни, практический или нѣтъ, правильный или ошибочный, сдѣланъ имъ по убѣжденію, что такъ слѣдовало поступить по совѣсти.

Извѣстный англійскій публицистъ Э. Диллонъ въ октябрьской книгѣ „Contemporary Review“ 1906 г. посвятивъ П. А. Столыпину полныя сочувствія и симпатіи строки:

„Простодушіе, искренность, самоотверженная преданность своему Монарху и своему отечеству и чувство героизма снискали ему особое мѣсто. Онъ пользуется любовью Царя, довѣріемъ политиковъ и уваженіемъ всѣхъ. Вступленіе Столыпина на постъ премьера, какъ оно ни казалось мало-важнымъ въ потокѣ важныхъ событій времени, обозначаетъ собою новый фазисъ въ борьбѣ монархіи противъ революціи, ибо новый Предѣлатель Кабинета сдѣлалъ то, чего ни одинъ изъ его предшественниковъ, ни также цѣлая куча официальныхъ заявленій—не въ состояніи были произвести: онъ убѣдилъ Россію, что старій режимъ дѣйствительно умеръ, и что началась новая эра конституціоннаго правленія. Снискать довѣріе къ этому важному заявленію, несмотря на лживыя и подстрекающія заявленія оппозиціи, значило уже выиграть половину сраженія. Разъ русскій народъ убѣдился въ этомъ фактѣ, условія борьбы между новымъ порядкомъ вещей и старымъ значительно мѣнялись. Она переставала быть борьбою силу между приверженцами автократіи и друзьями конституціоннаго правленія и превращалась въ возмущеніе подонковъ общества противъ порядка и закона и мирнаго развитія. Премьеръ является, быть можетъ, высшимъ типомъ государственнаго мужа, котораго новѣйшія событія выдвинули на первый планъ. Его моральная сила подверглась самому тяжкому испытанію, когда революціонеры взорвали его домъ, убили его друзей и истребляли его дѣтей. При такомъ ужасномъ испытаніи находить удовлетвореніе въ привязанности къ высокимъ государственнымъ идеаламъ, утопить личное страданіе въ заботѣ объ общемъ благѣ и настаивать на политикѣ прощенья и мягкости,—все это обозначаетъ характеръ, рѣдкій не только въ Россіи, но и въ Европѣ. И это громадный активъ на сторонѣ правительства“.

Въ апрѣлѣ 1909 г. стали циркулировать слухи о министерскомъ кризисѣ. И по этому поводу 16 апрѣля „Новое Время“ сдѣлало слѣд. характеристику П. А. Столыпина:

„Послѣ тревожныхъ лѣтъ, полныхъ такой неуверенности, что не только ни одна изъ партій, но и никакой русскій человѣкъ не зналъ навѣрное, что ожидаетъ Россію

и въ которую сторону, на какой берегъ она выберется изъ палевшей бѣды,—мы пережили два года совершенной твердости и увѣренности существованій. Все стало входить въ свои берега, а на мѣстѣ перебивающихся волнъ, мечущихся туда и сюда, получились нѣкоторыя постоянныя теченія. „Смутное время“ перешло въ „государственное существованіе“. Заслуга этого, велика она или мала, признается и друзьями, и недругами главѣ теперешняго нашего правительства, П. А. Столыпину. Рѣдкими качествами характера, спокойнаго и твердаго, спокойнаго безъ влости и твердаго безъ упорства, онъ сообщилъ устойчивость нашему государственному кораблю; онъ не былъ ни парусомъ его, ни паромъ; онъ былъ тою „непроницаемой стальной перегородкой“, которая удержала отъ затопленія раненый броненосецъ и выправила его положеніе. Заслуга не гениальная; заслуга пожалуй болѣе пассивная, чѣмъ дѣятельная. Но бываютъ моменты, когда такіе пассивныя заслуги важнѣе и настоятельнѣе всяческихъ даже гениальныхъ заслугъ, около которыхъ всегда стоитъ угроза неудачи и обрыва.

П. А. Столыпинъ есть хорошо узнанное всею Россією лицо, разсмотрѣнное до послѣднихъ мелочей, относительно котораго нѣтъ никакихъ неясностей, нѣтъ догадокъ, подозрѣній, гипотезъ; около котораго невозможна клевета, зарождающаяся всегда въ темномъ мѣстѣ, зарождающаяся около всего неяснаго. Нужно очень оцѣнить этотъ фактъ, что въ его лицѣ Россія имѣетъ наиболѣе прозрачную фигуру, которую всю можно разсмотрѣть, которая уже всѣми разсмотрѣна и относительно которой ни у кого нѣтъ никакихъ недоумѣній. Именно этотъ фактъ и сообщаетъ такъ сказать психологическую устойчивость и душевное спокойствіе массѣ русскаго люда, прямо или косвенно участвующаго въ политикѣ, участвующаго хотя бы только тѣмъ, что каждый подаетъ и подаетъ свой голосъ при выборѣ депутата въ Г. Думу. П. Столыпинъ сообщилъ спокойствіе именно массѣ. И уже масса своимъ давленіемъ принудила къ покою и одиѣнныхъ лицъ. Вотъ механизмъ успокоенія. Не устраняясь отъ связи съ одиѣныя партіями, не переставая быть непріязненнымъ другимъ партіямъ, не скрывая прямой и явной вражды своей къ третьимъ партіямъ, въ одномъ или въ другомъ смыслѣ антигосударственнымъ, Столыпинъ не

въ этихъ партійныхъ отношеніяхъ помѣщалъ фокусъ своей личности и фокусъ русскаго политикѣ. Партіи не заслоняли отъ него Россію. Къ партіямъ онъ былъ гораздо равнодушнѣе, чѣмъ къ Россіи. Черезъ это онъ невольно и самымъ положеніемъ вещей поднялся надъ партіями, поднялся безъ гордости и кичливости, а благодаря исключительно рѣдкимъ качествамъ своей уравновѣшенной натуры. Онъ ни отъ кого не зависѣлъ, не есть креатура партіи. Это рѣдкое положеніе для министра. И въ данномъ случаѣ, въ нашемъ положеніи его нельзя особенно не оцѣнить, какъ свободу государственнаго корабля отъ партійныхъ давленій, отъ партійныхъ притязаній, и вмѣстѣ какъ нѣкоторую гармонизацію партій, при которой онъ волей-неволей теритъ свою остроту, страстность, ярость, притупляются и безсильнѣе въ моментъ нападенія. И правые, и лѣвые, и кадеты, будучи враждебны кабинету Столыпина, явно не имѣютъ при немъ той нападающей силы, той опровергающей силы, какую имѣли до него, и безъ сомнѣнія сейчасъ же получаютъ, какъ только уйдеть онъ.

Къ числу отрицательныхъ сторонъ министерства Столыпина нужно отнести недостаточную его инициативу; то, что онъ самъ не имѣетъ крупнаго шага и не придаетъ большого хода государственному кораблю. Но положеніе было таково, что устойчивость была предпочтительнѣе въ данное время, чѣмъ быстрота и энергія. Пусть даже, какъ говорятъ, г. Столыпинъ не творецъ, не производитель, а только успокоитель. Но составляетъ всеобщее убѣжденіе, что покой государственныи и общественный, покой народный есть первоначальное условіе, безъ осуществленія котораго нельзя вѣзаться энергично и за созиданіе. Нельзя возводить стѣны зданія, когда вѣтеръ рветъ и ломаетъ лѣса около постройки, сносить и разбивать о мостовую рабочихъ. Столыпинъ во всякомъ случаѣ не противъ инициативы, если бы кѣмъ-нибудь она была начата, если бы откуда-нибудь она обнаружилась. Онъ успокоитель по природѣ; но другимъ около себя, въ составѣ своего правительства онъ не мѣшаетъ быть творцами. Его прямое, честное отношеніе ко всемъ вещамъ, его высокій патріотизмъ, отсутствіе способности къ интригѣ, къ мѣшанію другимъ, создаетъ прекрасную обстановку для всеобщаго оживленія, для всеобщей работы, для всеобщаго

подъема; но только отъ него трудно ожидать толчка къ такому подъему. Но вѣдь онъ и не одинъ; не онъ лично есть правительство. Нужно высоко оцѣнить то, что онъ лишенъ первороднаго грѣха сильныхъ правителей—стремленія къ подавленію чужой личности, товарищеской или подчиненной. При немъ дѣйствительно осуществлена свобода и независимость, открытость и ясность коллегіальной системы управления.

Всѣ эти обстоятельства и подробности не въ пользу замѣны кабинета Столыпина кабинетомъ другого лица. Все новое естественно насъ манитъ; но нужно хорошо знать положеніе страны, чтобы съ увѣренностью сказать, что это новое дастъ непременно болѣшую яркость дня, а не принесть съ собою неожиданныя тучи. Вѣтры во всякомъ случаѣ и со всѣхъ сторонъ усилятся; та нравственная муть, которая всегда лежитъ въ основѣ соціальной смуты, непременно подымется около всякаго лица, менѣе извѣстнаго, чѣмъ П. А. Столыпинъ, или болѣе способнаго возбудить подозрѣніе и клевету. Нельзя забыть, что тамъ, гдѣ борются, ищутъ не однихъ причинъ, но и поводовъ, пользуются не одними основаніями, но и предлогами. Счастливую сторону управления П. А. Столыпина составляетъ то, что онъ рано и твердо подрубилъ около себя это мелкое политиканство, жадно глотающее вмѣсто здоровой воды мутную воду слуховъ, возможность предположеній, предлоговъ, придирокъ, заподозриваній. Театръ русской политики при немъ не имѣлъ ширмы и кулисъ.

Лидеръ думскаго большинства (нынѣ Предсѣдатель Государственной Думы) А. И. Гучковъ, между прочимъ, сообщилъ о П. А. Столыпинѣ слѣд.:

„П. А. Столыпинъ, цѣна въ людяхъ твердость, настойчивость, находчивость и стремленіе въ нужныхъ случаяхъ брать на себя отвѣтственность, считаетъ, что администратору, обладающему этими качествами, столь цѣнными во время подавленія революціи, многое можно простить во время успокоенія. Но одного П. А. Столыпинъ не прощаетъ никому, какой бы постъ человекъ ни занималъ и какия бы заслуги за нимъ ни числились: воровства, взяточничества, корысти... Тутъ онъ безпощаденъ. Когда начался грозный

циклъ сенаторскихъ ревизій, всколыхнулось все темное царство взяточничковъ, казнокрадовъ“.

Намъ остается теперь еще бросить взглядъ на семейную и домашнюю жизнь П. А. Столыпина.

Ки. Менцерскій въ „Гражданинѣ“ вспоминаетъ, что говорилъ когда-то министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ о русскомъ министрѣ. Нашелъ князь эти интересныя слова въ одномъ изъ своихъ старыхъ дневниковъ, гдѣ записано такъ:

„Сегодня у Вяземскихъ слышалъ лекцію Валуева о томъ, какъ трудно быть у насъ министромъ. Записываю, какъ запомнилъ, главныя мысли въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ говорилъ онъ по-французски. „Есть три стадіи для карьеры министра: желать имъ быть, имъ сдѣлаться и третья—быть министромъ. Желать быть министромъ—легко; сдѣлаться министромъ—труднѣе, но самое трудное—быть министромъ. Я говорю о русскомъ министрѣ. Трудностей быть министромъ—очень много, но главнѣйшихъ—двѣ. Одна заключается въ томъ, презрѣнномъ колпачествѣ занятій по дѣлопроизводству, которое отнимаетъ у министра свободное время, безусловно ему нужное, чтобы быть хорошимъ министромъ, во-первыхъ,—на отдыхъ, для физическаго движенія и правильнаго кровообращенія, во-вторыхъ, на отдыхъ для спокойныхъ размышленій и, въ третьихъ, на свободное общеніе съ людьми вѣдѣ пріемныхъ часовъ. Лишеніе этихъ трехъ вещей отнимаетъ у министра самое нужное для его полезной дѣятельности—благопріятныя условия для его самосовершенствованія. Вокругъ него образуется заколдованный кругъ, гдѣ одновременно ограничивается его самодѣятельность и останавливается его развитіе. Намедни, чтобы что-нибудь сказать, гость говоритъ супругѣ министра: вы, я думаю, рѣдко видите вашего супруга. Я его вижу,—отвѣчаетъ она,—спящимъ и ѣдющимъ. Это немного, но все же я вижу его чаще, чѣмъ Россія, которую онъ вовсе не видитъ.“

„Другая трудность—психическаго свойства. Съ минуты, какъ человекъ дѣлается министромъ, его окружающая атмосфера составляетъ изъ такого множества людей не только ему не противорѣчащихъ, но лично заинтересован-

ных ему поддакивать и угождать, что одна из нужнейших для него функций,—проверка самого себя,—становится все невозможнее, и постепенно руководящими началами его деятельности делается привычка себя врать на слово и неохота к резкому противоречию. Когда то и другое пускает в духовном организме министра глубокие корни, тогда, сам того не подозревая, из периода общественной деятельности министр входит в период общественного самообольщения. Бесспынная быль ясным отражением жизни мысли его делается капризизм своеволия, а подчиненные обращаются или в игрушки, или в прислужников, или, что всего хуже, в фификусов, ловко овладевающих министром“.

П. А. Столыпин старается бороться с теми трудностями, о которых кн. Мещерский привел слова Валуева.

Премьер-министр, как и в служебной своей деятельности, так и в своей частной жизни обращает на себя внимание главной отличительной чертой: простотой.

Вся помпа, всякий вышнний эффект, так называемое великошлние, очень далеки от его обихода.

П. А. Столыпин, будучи назначен в 1906 году весною министром внутренних дел, прибыл из Саратова прямо на дачу на Аптекарском острове. После взрыва 12 августа Государь в вид особого благоволения к П. А. Столыпину, предложил ему жить в Зимнем дворце. В то время был цѣлый ряд покушений на жизнь председателя совета министров и Зимний дворец в виду еще своей особой дворцовой охраны был наиболее безопасным местом. На летние месяцы П. А. Столыпин выезжает во дворец на Елагинском острове или в свое имение вблизи Сурвицкеш, Ковенской губ.

1 ноября 1909 г. П. А. Столыпин переѣхал с семьей в дом министерства на Фонтанкѣ.

„Свѣтъ“ так описывал новую квартиру П. А. Столыпина: „Роскошная квартира в министерскомъ доме, в два этажа, отдѣлана и обилирована была еще при Д. С. Сипягина. После Д. С. Сипягина, в этомъ домѣ жили послѣдовательно все министры внутренних делъ, кромѣ одного только П. Н. Дурново. Ко времени переѣзда П. А. Столы-

пина, комнаты отремонтировали и мебель освѣжили. Однако, П. А. Столыпинъ запретить покупать что-либо вновь и, вообще, предложил тратить казенныя деньги какъ можно экономнѣе.

Входъ устроенъ въ строгомъ стилѣ ампира, из бѣлаго мрамора съ золотыми украшениями. Лѣстница, бѣлая мраморная, покрыта краснымъ бархатнымъ ковромъ. Красивыя вазы изъ черной бронзы съ золотомъ, такія же бра для электрическаго освѣщенія. Въ первомъ этажѣ нѣтъ паходится большая прѣмная, она же—залъ для засѣданій совѣта министровъ. Массивная кресла и стулья красного дерева крыты зеленымъ бархатомъ, на окнахъ тяжелыя бархатныя драпировки. Огромный столъ, накрытый зеленою скатертью, на столѣ канделябры подъ зелеными колпаками. Залъ по вечерамъ утопаетъ въ электрическомъ свѣтѣ, льющемся съ многочисленныхъ бра и плафоновъ. Два великолѣпныхъ портрета Императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора во весь ростъ, въ чудныхъ золоченыхъ рамахъ. На стѣнахъ портреты семи шефовъ жандармовъ, начиная съ гр. Венкендорфа и кончая ген. Дренгельномъ, и всѣхъ 35 министровъ внутреннихъ делъ до П. Н. Дурново включительно.

Рядомъ съ заломъ совѣта министровъ небольшой кабинетъ или малая прѣмная. Мебель изъ великолѣпной корейской березы съ богатой отдѣлкой бронзой. Люстра, канделябры и часы—чистый ампиръ. На стѣнахъ развѣшаны картины изъ принадлежащей лично П. А. Столыпину коллекціи. Среди нихъ любимая картина П. А. Столыпина—„Мартъ“ Фокина.

Кабинетъ П. А. Столыпина—одна изъ самыхъ большихъ комнатъ въ Петербургѣ. Прекрасная квартира въ шесть комнатъ могла бы уместиться въ одномъ этомъ кабинетѣ. Нѣсколько низко только, сообразно съ колоссальной поверхностью, потолокъ. По обѣ стороны кабинета, перпендикулярно къ окнамъ, стоятъ бѣлыя колонны, образуя какъ бы боковыя кулуары. Стѣны обиты красною кожей, двери красного дерева, рѣзаны, безъ драпировокъ. Въ центрѣ кабинета, подъ люстрой, огромный министерскій письменный столъ, на шкапикахъ, красного дерева, крытый темно-крас-

нымъ сукномъ. У стола любимое кресло П. А. Столыпина, красного дерева, съ плетеными спинкой и сидѣньемъ. На столѣ старинный бронзовый приборъ и электрическая лампа, подъ зеленымъ стекляннмъ колпакомъ. Съ потолка спускается черная бронзовая люстра, съ тремя лампами стариннаго карельскаго типа.

Роскошная мебель англійскаго стиля изъ красной кожи, книжные шкапы изъ красного дерева до потолка и разныхъ другихъ размѣровъ, тумбы, столики, этажерки. Тутъ же стоитъ конторка красного дерева, за которой П. А. Столыпинъ любитъ работать стоя. Шкапы, столики и этажерки богато украшены бронзовыми статуэтками, фигурками, фотографическими карточками въ дорогихъ рамкахъ.

На письменномъ столѣ большой портретъ Государя Императора съ Собственноручной подписью. На столахъ разложены альбомы—фотографическіе и изъ телеграммъ, полученныхъ П. А. Столыпинымъ по разнымъ случаямъ со всѣхъ концовъ Россіи. На письменномъ столѣ и на конторкѣ въ особыхъ стаканахъ очищенные гусиніи перья, единственные, которыми пишетъ П. А. Столыпинъ. За колоннамиottomанка и шкапы съ книгами. На стѣнахъ—географическія карты. Окна завѣшаны бархатными портьерами.

Въ нижнемъ этажѣ находится большая бильярдная комната, съ однимъ бильярдомъ и прекрасно оборудованный кегельбанъ. П. А. Столыпинъ, посѣщая домъ во время ремонта, обратилъ особое вниманіе на ремонтъ кегельбана, считая игру въ кегли лучшимъ мотіономъ послѣ своихъ усиленныхъ занятій. Полъ въ кегельбанѣ настанъ заново, массивные шары отшлифованы. При входѣ въ кегельбанъ мраморные умывальники, а въ самомъ помѣщеніи, у стѣны, диванчики изъ метлахскихъ плитъ.

Апартаменты семьи П. А. Столыпина расположены въ верхнемъ этажѣ.

Въ этой роскошной квартирѣ П. А. Столыпинъ ведетъ образъ жизни, чуждый роскоши.*

П. А. Столыпинъ съ самаго ранняго утра и до поздней ночи работаетъ, не признавая утомленія. На отдыхъ и сонъ

* Свѣдѣнія объ образѣ жизни П. А. Столыпина заимствуемъ изъ газетъ.

онъ удѣляетъ едва ли болѣе восьми часовъ въ сутки. Все остальное время посвящается неустанному труду.

Вся семья П. А. Столыпина встаетъ очень рано. П. А. отправляется въ кабинетъ, знакомится съ текущими дѣлами, собственноручно дѣлаетъ отмѣтки на бумагахъ и просматриваетъ русскія и иностранныя газеты, останавливаясь на статьяхъ по вопросамъ внутренней и вѣншей политики.

Помимо личного просмотра газетъ, П. А. Столыпинъ каждое утро внимательно просматриваетъ вырѣзки изъ современной прессы, составляемая для него по отдѣламъ. При этомъ на поляхъ онъ дѣлаетъ отмѣтки или тутъ же пишетъ резолюціи о производствѣ разслѣдованія, если сообщается что-нибудь о дѣйствіяхъ администраціи.

Правая рука у министра большая и двигаетъ онъ ею съ трудомъ. Лѣвой рукой онъ вставляетъ перо въ правую руку и, придерживая кисть одной рукой, пишетъ, обыкновенно, гусинными перьями. Почеркъ твердый, отчетливый. На каждой просмотрѣнной бумагѣ ставится внизу подпись изъ двухъ буквъ „П.“ и „С.“, одна на другой, въ видѣ вензеля.

Въ половинѣ десятаго начинаются доклады высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по росписанію, составленному на каждый день недѣли, и пріемъ лицъ, явившихся по экстренному дѣлу, а также членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, желающихъ лично переговорить съ П. А. Столыпинымъ.

Въ часъ—завтракъ, никогда не продолжающійся болѣе 15 минутъ. На завтракъ подается два блюда—мясное или рыбное и какая нибудь каша. Часто, не имѣя четверти часа свободныхъ, министръ наскоро выпиваетъ у себя въ кабинетѣ стаканъ кофе и кушаетъ бутерброды.

Послѣ завтрака П. А. работаетъ одинъ, и съ дѣла и доклады прочитываются лично, и чтеніе сопровождается помѣтками или подробными набросками.

Послѣ этой работы—чтеніе новѣйшихъ книгъ по вопросу государственнаго права. Владѣя одинаково свободно четырьмя языками, министръ читаетъ ихъ въ подлинникъ.

Послѣ четырехъ часовъ—пріемъ вызванныхъ лицъ или

явившихся по личным дѣламъ. На большихъ приемахъ бываетъ до 60 человекъ всевозможныхъ общественныхъ положеній. Со всеми министры выпечатываютъ. О чемъ бы ни шла рѣчь, П. А. Столыпинъ говоритъ ровнымъ голосомъ, хотя бы и былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ или разсерженъ.

Случается, министру и гнѣваться. Но голосъ его остается всегда ровнымъ.

Затѣмъ въ семь часовъ—обѣдъ. Обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, очень скромный.

Къ обѣду приглашаются родные министра. Даже когда не бываетъ никого изъ ближайшихъ родственниковъ, за обѣденный столъ садятся до 15-ти человекъ.

Послѣ половины седьмого П. А. принимаетъ очень неохотно, отдавая въ это время полчаса на прогулку.

Въ праздники программа дня измѣняется очень мало—не бываетъ только докладовъ чиновниковъ министерства.

Въ восемь часовъ—или засѣданія совѣта министровъ (не менѣе 2 разъ въ недѣлю) или чиновъ министерствъ по текущимъ дѣламъ. Нерѣдко приглашаются на засѣданія даже дѣлопроизводители.—„Ему лучше знать“,—говорить иногда, уступая въ спорѣ младшему чиновнику, П. А.

Предсѣдательствуетъ П. А. Столыпинъ всегда со спокойствіемъ и предупредительностью, сначала выслушивая мнѣнія другихъ и высказываясь только въ концѣ преній. Онъ цѣнитъ въ служебномъ дѣятелѣ самостоятельность мысли.

Засѣданія рѣдко кончаются раньше часа ночи и часто затягиваются до утра. Если же они кончаются раньше, то П. А. Столыпинъ занимается еще у себя до 2-3 часовъ ночи. Усталости для него не существуетъ, и онъ всегда бодръ, свѣжъ и веселъ.

П. А. Столыпинъ женатъ на дочери почетнаго опекуна ✓ Ольги Борисовнѣ Нейдгардтъ и имѣетъ отъ брака съ нею пять дочерей и одного сына.

Старшая дочь П. А., Марія Петровна, замужемъ за морскимъ агентомъ въ Берлинѣ В. И. Бокъ.

Вторая дочь, фрейлина ИМПЕРАТРИЦЫ, Наталія Петровна, которая такъ много страдала отъ послѣдствій взрыва.

Третья дочь учится въ Екатерининскомъ институтѣ

приходящей воспитанницей.

Наконецъ, маленькія дѣти—Ольга и Александра учатся еще дома.

Младшему сыну, Аркадію еще только 6 лѣтъ.

Обыкновенно у Столыпинныхъ собирается цѣлое небольшое общество, связанное между собою и съ семьей Премьера узамъ родства.

Бываютъ у Столыпина: Марія Аркадьевна Офросимова, родная сестра П. А. (замужемъ за членомъ совѣта дворническаго банка Офросимовымъ). Братъ П. А.,—А. А. Столыпинъ, известный публицистъ, съ сыномъ гимназистомъ.

Вообще, у П. А. очень большая родня, принадлежащая вся къ старинной аристократіи: князья Горчаковы, бароны Меинендорфы, графъ и графиня Орловы-Давыдовы, баронъ и баронесса Сталль, графиня Толь и другіе.

Со стороны Ольги Борисовны въ семью входятъ сестра Ольги Борисовны — Анна Борисовна (замужемъ за министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ), Дмитрій Борисовичъ Нейдгардтъ (бывшій одесскій градоначальникъ) и другой братъ Александръ Борисовичъ Нейдгардтъ, почетный опекунъ, членъ государственнаго совѣта (женатъ на княжнѣ Л. Н. Трубецкой).

Оба брата состоятъ въ званіи гофмейстера Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Всѣ родные Столыпинныхъ бываютъ у нихъ съ дѣтьми.

П. А. любятъ семью и поэтому все свое свободное время, поскольку это возможно, посвящаетъ ей.

Самые большіе праздники проводятся П. А. въ семьѣ. П. А. самъ человекъ религіозный, всѣмъ своимъ дѣтямъ даетъ и продолжаетъ давать соответствующее воспитаніе.

Подъ Новый Годъ или вообще въ одинъ изъ дней праздниковъ Рождества въ семьѣ Столыпинныхъ устраивается елка.

Если елка приходится на канунъ Нового Года, дѣти разбѣгаются по большей части довольно рано; встрѣча же Нового Года происходитъ или въ тѣсномъ семейномъ кругу,

у самих Столыпинных, или же у одного из членов семьи.

У П. А. совсем почти не бываешь торжественных ужинов, гостей, ричей...

П. А. также не любит официальных поздравлений и поэтому их у него на Новый Год, по большей части, и не бываешь.

Там же не меньше, на одной из ближайших средь, когда бывают приемы у Столыпина, Ольгу Борисовну призывают поздравлять и вообще у Премьера-министра перебивают все те, которые обычно посещают его дом.

Очень редко, раз в месяц, не больше, П. А. Столыпин обьедает у кого-нибудь из родных или близких знакомых.

Точно также редко министр выезжает и с визитами, если не считать официальных визитов к высокопоставленным лицам и к послам иностранных государств.

Вообще следует заметить, что несмотря на вышней блеск, окружающий жизнь семьи Премьер-министра, во всем доминирует именно то, что было отмечено раньше: редкая простота, соединенная со вкусом и умением жить, вкусом родовитого столбового дворянства.

Обращая большое внимание на воспитание детей, Столыпин именно даже в делах воспитательных стараются избирать для них каких-бы то ни было вышних несерьезных эффектов.

В общем, семья министра живет крайне скромно. Получает он только 26 тысяч по окладу министра внутренних дел, совершенно отказавшись от дополнительных сумм за премьерство и т. п. И когда послы взрыва на его даче были пущены слухи о якобы выданных ему ста тысяч руб. на лечение детей, П. А. лишь замечил: — «Как печально, что эти люди все ценят на деньги.»

Не только ежедневная жизнь, но даже большие приемы, рауты оплачиваются из того же жалования, разумеется, далеко недостаточного и пополняемого личными средствами. И потому домашняя жизнь премьера в общем гораздо

скромнее, чем у любого помещика средней руки.

П. А. Столыпин отличается большою доброю и чуткостью сердца. Он обратил внимание на затруднительное материальное положение чинов канцелярий губернаторов и губернских правлений и, по его настоянию, законом 21 января 1910 г. увеличено содержание этих чинов.

Къ горю даже самых маленьких подчиненных он всегда отзывчив, помогая и советами, и деньгами, и делом.

Требую от подчиненных усидчивости и полного внимания къ делу, министр охотно прощает невольные промахи. Когда случается кому-либо что-нибудь перепутать или не так исполнить, П. А. только говорит:

— Опять напутали.

И этих двух слов довольно, чтобы чиновник готов был со стыда провалиться.

Единственно, чего не терпит совершенно П. А. Столыпин, это — лжи. Он желает знать только правду, и всякий может говорить ему все так, как он ее понимает, не опасаясь впасть в противоречие с министром. Но ложь П. А. ненавидит.

Кто раз завѣдомо обманул П. А. Столыпина, тот пропащий для него человек. Лжи он не прощает.

Среди своих государственных забот П. А. Столыпин уделяет время городским делам Петербурга.

Появляется ли эпидемия, случится ли большой пожар, убийство, трамвайная катастрофа и т. п., П. А. Столыпин требует самого подробного доклада.

Он интересуется всем в Петербурге, обьязает его, бывает даже на окраинах, и не гнушается производить осмотры, в ночное время, почтовых домов.

22 сентября 1910 г. на петербургском авиационном празднестве П. А. совершил полет на биплане Фармана съ пилотом капит. Мацевичем*).

*) 24 сентября у кап. Мацевича при оспаривании приза на высоту во время спуска, когда он находился на высоте 500 метров, перевернулся аэроплан в воздух; авиатор выпал и убит на месте.

31815
Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что путь, на который П. А. Столыпинъ рѣшительно и смѣло вступилъ—ищущій и надежный путь свободы, мира, цивилизаціи и прогресса.

Прослѣдивъ, хотя въ краткомъ очеркѣ, жизнь этого замѣчательнаго, рѣдкаго государственнаго дѣятеля нашего времени, мы, конечно, можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что онъ никогда не сойдетъ съ этого пути.

